

Сквозь узкую щель в оконной бумаге Юэ Фэн увидел, как кромешно-черный силуэт, словно призрак, скользнул к кровати Шэнь Юйхэна. К талии незваного гостя был привязан длинный тонкий меч, а едкий, тяжелый запах крови был настолько сильным, что даже Юэ Фэн, стоящий снаружи, почувствовал его.

«Значит, убийцы Сяо Ци уже успели добраться и сюда».

Глаза Юэ Фэна похолодели. Его клинок медленно выскользнул из ножен, и он приготовился ворваться через окно. Однако в следующую секунду «убийца», стоящий в тени, пробормотал какое-то неразборчивое слово, словно одержимый.

Юэ Фэн не расслышал. Он прижался ближе к стене, пытаясь уловить сказанное. В этот миг мужчина наклонился, и его черты внезапно осветил холодный, бледный лунный свет.

Юэ Фэн замер. Он узнал это лицо.

Несколько месяцев назад, когда они с Шэнь Юньцзином еще охраняли границу, терпя суровые, резкие ветра пустыни, они наткнулись на гору трупов. Это было обычным явлением — какое-то маленькое племя проиграло борьбу за еду или воду более жестокому хищнику.

Именно там они нашли Сяо Цзиня. Он был единственным выжившим в том аду; его длинные, спутанные волосы были пропитаны багровой кровью, а от всего его существа исходила неизгладимая аура скотобойни. Даже маркитантки избегали его как чумы, до ужаса боясь этого юношу. Юэ Фэн не интересовался принцем, выползшим из моря крови, но он живо помнил его глаза — холодные, пустые, как бездонная пропасть.

Сейчас же эти глаза были наполнены обжигающим, полным ненависти красным блеском.

Окно обрамляло сцену, от которой у Юэ Фэна перехватило дыхание. Когда белые нижние одежды Шэнь Юйхэна были безжалостно распахнуты, Юэ Фэн наконец понял, что происходит. Его суровое, дисциплинированное лицо густо покраснело.

Хотя Супруг и был мужчиной, Император нарек его Матерью-Супругой Сяо Цзиня. Один — сын Императора, другой — консорт Императора... как они могли... Даже бунтарь в душе, Юэ Фэн, никогда не мог вообразить чего-то столь скандального.

Более того, с Шэнь Юйхэном явно было... что-то не так. Его глаза были крепко зажмурены, черные ресницы слегка подрагивали. Как бы с ним ни обращались, он не просыпался, казалось, совершенно не осознавая происходящего. Его кожа, выставленная на холодный воздух, покрылась мелкой испариной.

Прикосновения юноши были грубыми и хаотичными. В порыве его движений меч с резким звоном упал на пол. Раз оружие было на полу, Юэ Фэн понимал, что непосредственной угрозы жизни, скорее всего, нет. Но... он боялся за собственную жизнь, если продолжит смотреть. Стать свидетелем подобной тайны означало смертный приговор.

Юэ Фэн бесшумно отступил. К тому времени, как он вернулся в свою комнату, Юэ Линь уже проснулся. На вопрос, где он был, Юэ Фэн отшутился:

— Подслушивал за маленькой монашкой.

— Глупости. Это не женский монастырь, где бы ты нашел монашку? — Юэ Линь беспомощно улыбнулся и направился к двери.

— Брат, куда ты идешь в такой поздний час?

— Я иду навестить Юйхэна. Мы давно не виделись, я должен засвидетельствовать свое почтение.

Улыбка Юэ Фэна исчезла. Он покрылся холодным потом, останавливая своего ищущего смерти брата.

— Стой! Подожди секунду, брат. Не ходи туда сейчас.

— Почему же?

— Он теперь мужчина-супруг Императора. Твой визит посреди ночи... это, ну, это неуместно.

Юэ Линь кивнул, его лицо приняло сложное выражение. Он все еще не мог смириться с тем, что младший брат, о котором он когда-то заботился, стал постельной игрушкой Императора. Мужчину, подчиняющийся мужчине... совершенно непостижимо.

Услышав вздох брата, Юэ Фэн издал разочарованный смешок.

— Что тут странного? Такое случилось на протяжении всей истории. Это не такая уж редкость.

Как только наблюдатель снаружи исчез, на губах Сяо Цзиня появилась мимолетная, больная улыбка. Он легко похлопал Шэнь Юйхэна по щеке. Светлая кожа мгновенно покраснела, но спящий мужчина лишь протестующе промычал, его губы полуоткрылись.

Видя, что тело мужчины начинает адаптироваться к ощущениям, Сяо Цзинь осмелел. Шэнь Юйхэн не просыпался, но его дрожь усилилась, когда он инстинктивно попытался отстраниться от источника боли.

«Если бы он знал, как выглядит сейчас со стороны, — подумал Сяо Цзинь, — с его-то характером он бы, наверное, захотел умереть от стыда».

Сяо Цзинь отнял руку, кончики его пальцев блестели. Под холодным лунным светом он медленно развел их в стороны, наблюдая, как между ними тянется тонкая влажная нить. Он так задыхается, и все же думает, что ему больно? Ни единой капли крови не пролилось.

Он вспомнил их первую ночь; сопротивление Шэнь Юйхэна было настолько яростным, что он едва не залил простыни кровью. С тех пор Сяо Цзинь немного сдерживал себя. Он хотел, чтобы Шэнь Юйхэн страдал, но время для разоблачения еще не пришло. Он плел вокруг этого человека невидимую паутину боли; чем глубже тайна, тем опаснее становилась правда.

Я хочу, чтобы он разбился вдребезги в моих руках.

Сяо Цзинь влажными пальцами сжал подбородок Шэнь Юйхэна.

«Какая еще "Матерь-Супруга"...» Тот, кого может обнимать кто угодно, как он может быть моей Матерью-Супругой?

Сяо Цзинь усмехнулся. Ранее он был так близко — всего лишь за стеной, — но Шэнь Юйхэн ничего не замечал, полностью сосредоточившись на ребенке в своих руках. Он играл роль «Матери-Супруги», так нежно обнимая эту девочку и принимая ее поцелуй.

Большой палец Сяо Цзиня с силой надавил на губы Шэнь Юйхэна, его кровь кипела. Чем

больше он ненавидел, тем больше был одержим этим местом. Он видел, как соприкоснулись их головы — тот быстрый, легкий поцелуй. Затем девочка невинно засмеялась, а Шэнь Юйхэн застенчиво коснулся своей щеки, шепотом прося ее больше так не делать.

Давление на губы Шэнь Юйхэна усилилось, Сяо Цзинь грубо растирал их, словно пытаясь стереть воспоминание. Под этим натиском нежная кожа приобрела яркий, багровый оттенок ушиба, и, в конце концов, палец Сяо Цзиня скользнул ему в рот.

Когда его палец смешался со слюной мужчины, Сяо Цзинь в отвращении нахмурил брови, но, вытаскивая его, намеренно царапнул чувствительное нёбо. В уголках глаз Шэнь Юйхэна скопились физиологические слезы; он инстинктивно сглотнул, издав болезненный стон.

Сяо Цзинь думал, что именно это выражение лица он больше всего хотел увидеть, но это зрелище лишь разожгло степной пожар ярости в его груди. Почему боль должен испытывать он один?

Сяо Цзинь сжал его лицо и заглушил стоны поцелуем, который больше походил на укус. Он безжалостно терзал невинные, сжимающиеся губы, пока они не оказались порваны и не закровоточили.

С того момента, как Шэнь Юйхэн вошел во дворец, он перестал принадлежать себе; ему было суждено стать пустой оболочкой, запертой в золотой клетке. Как он смеет мечтать о свободе? Сяо Цзинь знал, что только в этом удушающем дворце их извращенные отношения выглядели хоть отдаленно «нормальными». Его ненависть была подобна зарослям терновника, дико разрастающимся во тьме.

Если бы Шэнь Юйхэн покинул дворец, если бы эти отношения вытащили на свет, любая хрупкая иллюзия была бы разорвана в клочья. Он не может уйти.

Хватка Сяо Цзиня на его челюсти усилилась. Поцелуй превратился в форму бесконечной пытки. Шэнь Юйхэн боролся за воздух, его руки беспомощно молотили пустоту. В комнате не было ни слов — только звуки борьбы и влажные звуки соприкасающихся губ.

Лишь когда лицо Шэнь Юйхэна покраснело от удушья, Сяо Цзинь наконец отстранился. Искра желаний в его глазах мгновенно остыла, вернувшись к пронизывающему до костей морозу.

Он не позволит ему сбежать.

Никогда. Даже после смерти.

На следующий день

Шэнь Юйхэн проснулся со знакомым странным головокружением. Ему казалось, что его сон был пустой тратой времени. Несмотря на то, что он рано лег, он чувствовал себя таким же измотанным, как курьер, которому пришлось подниматься на двадцатый этаж пешком из-за сломанного лифта.

[Хозяин, почему вы так поздно проснулись? Снова головная боль?]

— Похоже на то.

Он был не только истощен, но его губы распухли так, будто его ужалила пчела. Перед тем как выйти из комнаты, он мельком взглянул в бронзовое зеркало, и тут же захлопнул дверь,

бросившись обратно.

Его губа не просто распухла; она была порвана так, что это выглядело в точности как укус. Отек — это еще ладно, но как, черт возьми, объяснить рану?!

Он и раньше подозревал окружающих. Сначала он исключил Сяо Цзиня. По его мнению, он не так уж сильно нравился Сяо Цзиню. Этот мальчишка дважды кусал его за плечо, но, вероятно, только ради того, чтобы Император это увидел и вышвырнул Шэнь Юйхэна прочь. Сяо Цзиню не было никакой выгоды кусать кого-то посреди ночи, где никто этого не увидит. А что касается любви? Это невозможно.

Затем он подозревал Чжоу Юаня или евнухов. Он читал романы, где евнухи оказывались психопатами, но после проверки Чжоу Юань казался абсолютно невинным. Даже обладатель «Оскара» не смог бы сыграть так естественно.

С каждой ночью Шэнь Юйхэн тревожился все больше. Он запирает двери и окна, но каждое утро странные ощущения возвращались. Он не осмеливался никому об этом рассказать. Он предполагал, что это кто-то из дворца, но ведь сейчас он был не во дворце. Храм Ванъюнь был изолирован на горе; здесь не было мирных жителей, только монахи. Сяо Хуай харкал кровью и был слишком болен, чтобы передвигаться.

Кто же это мог быть? От этой мысли у него по коже побежали мурашки. Меня что, преследует какой-то «похотливый призрак» или вроде того?!!

Снаружи храма

Несколько тел, накрытых белой тканью, вытащили вперед. Юэ Линь, Юэ Фэн и толпа солдат стояли вокруг них. Шэнь Юньцзин, только что вернувшийся с гор, спешил, чтобы осмотреть место происшествия. Они обнаружили примерное местоположение лагеря Сяо Ци, но местность была слишком коварной для безрассудной атаки. Им оставалось только ждать удобного момента.

— Генерал, — доложил Юэ Линь, почтительно сложив руки. — Прошлой ночью несколько разведчиков Сяо Ци скрывались возле храма. Я выслеживал их, чтобы найти главный лагерь, но в какой-то момент ночью... кто-то убил их. Всех до единого. Выживших нет.

Юньцзин нахмурился и осмотрел тела. Обычно у убитых в стычке лиц были искажены от ужаса. Эти же тела выглядели пугающе умиротворенными. Клинком, перерезавшим им глотки, орудовал мастер из мастеров — убийца не колебался ни секунды. Этот человек убил тысячи.

Убийца нацелился на людей Сяо Ци, но при этом он явно не был на стороне армии. На сердце Юньцина стало тяжело.

Пока они обсуждали сопровождение для Императора, подбежал лейтенант.

— Генерал Шэнь, Третий Господин... то есть, Супруг Шэнь здесь.

Юньцзин с облегчением вздохнул, его напряжение спало. Лицо стоявшего рядом Юэ Фэна окаменело. Юньцзин заметил это, но спрашивать не стал; он решил, что Юэ Фэн просто не может смириться со статусом Юйхэна как мужчины-супруга.

Однако, когда Шэнь Юйхэн вошел в комнату, поведение Юэ Фэна стало еще более странным. Обычно хладнокровный и высокомерный в бою, он вдруг стал молчаливым и неловким. Он

густо покраснел, отвернулся, и все же его взгляд то и дело возвращался к брату.

Лицо Юньцзина стало ледяным. Меня не было всего один день.

Сяо Цзиня здесь нет, так что теперь ты решил потерять от него голову, Юэ Фэн?

<http://bllate.org/book/17965/1728765>